

УДК 159.922

К ПРОБЛЕМЕ ДИНАМИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Н.Р. Салихова

Аннотация

Анализируются основные теоретические позиции по проблеме динамических механизмов и закономерностей функционирования личностных ценностей, существующие в науке противоречия между которыми являются следствием полярного решения разными авторами вопроса о соотношении понятий личностной ценности и потребности. Исходя из культурно-исторической парадигмы отечественной психологии предложена модель их соотношения как высшей психической функции и натуральной. Личностная ценность рассматривается как двухполюсное смысловое образование, обобщающее целый ряд различных по содержанию потребностей и интегрирующее в себе содержание потребности в функции «чувственной ткани» и содержание ценности как общественного идеала в функции значения. Выделены качественно разные, связанные с феноменом ценностного переживания способы реализации личностных ценностей в жизни, задающие характеристики динамических аспектов их функционирования.

В проблеме динамических сторон функционирования личностных ценностей в науке существует несколько несовпадающих и порой противоречащих друг другу теоретических точек зрения. Наличие взаимоисключающих взглядов свидетельствует как о сложности и многозначности данного предмета, так и малой степени его исследованности, что задает актуальность теоретического осмысления и анализа данной проблемы. При этом существующие противоречия позволяют поставить некоторые фундаментальные теоретические вопросы и наметить новые направления их исследования.

Понятие «динамический» мы используем в значении, предложенном Б.С. Братусем [1], который выделил в смысловых образованиях содержательные и динамические стороны, относя к динамической стороне напряженность, способы осуществления, соотношение реальных и идеальных целей. Близко по значению и понятие «динамической стороны значимости», которое отражает отношение побуждения к возможностям его реализации, предложенное В.Г. Асеевым [2]. При этом мы исходим из сформированного Д.А. Леонтьевым [3] понимания *личностной ценности*, определяемой им «как идеальная модель должного», которая указывает человеку направление желаемого преобразования действительности. Являясь центральной структурой смысловой сферы личности, личностные ценности определяют общий подход человека к миру, к себе, придают смысл и направление его жизнедеятельности, выступают основными источниками процессов смыслообразования и жизненных смыслов, ко-

торые объекты и явления действительности приобретают в контексте должного.

Различие во взглядах на динамические стороны функционирования личностных ценностей является, с нашей точки зрения, следствием во многом противоположных позиций в понимании вопроса о соотношении понятий «потребность» и «ценность».

Одной из наиболее категориально разработанных на сегодняшний день является позиция Д.А. Леонтьева [3]. В своей модели смысловой сферы личности он противопоставляет понятия «потребность» и «личностная ценность», ставя их в один ряд источников смыслов, но размещая на разных его полюсах, в первую очередь, по критерию биологическое – социальное. Важный спектр различий потребностей и личностных ценностей он усматривает, в том числе, и по динамическим аспектам их функционирования. С его точки зрения, потребности и берущие от них начало побудительные и смыслообразующие процессы отражают текущее состояние динамичных и постоянно меняющихся непосредственных жизненных отношений индивида с миром, тогда как личностные ценности представляют собой «консервированные» отношения с миром, обобщенные и переработанные совокупным опытом социальной группы, вследствие чего в своем функционировании они практически не зависят от ситуативных факторов. Соответственно, потребности представляют в структуре мотивации динамичное, ситуативно изменчивое, а ценности – стабильное, «вечное», не зависящее от внешних обстоятельств, абсолютное. Различия по критерию динамичности-стабильности касаются и иерархии потребностей и ценностей: побудительная сила потребностей постоянно меняется, их система характеризуется «динамической иерархией», а иерархия личностных ценностей стабильна, и ее изменение означает кризис в развитии личности. Соответственно, механизмы функционирования личностных ценностей и потребностей во многом противопоставляются, и в первую очередь – в плане возможности их насыщения и дезактуализации в результате деятельности. Реализация потребности и осуществление релевантной ей деятельности приводит к временному насыщению и дезактуализации потребности. Ценности же принципиально не насыщаемы, ни одно из релевантных любой ценности деяний и произведений «не может насытить и дезактуализировать ценность даже на короткое время» [3, с. 227]. Это ведет к различиям в характере регулирующих действий потребностей и ценностей: потребность задает некоторое целевое состояние, которое в принципе достижимо, а ценность задает вектор деятельности, который направлен в бесконечность.

Другую группу различий в понимании механизмов функционирования потребностей и личностных ценностей Д.А. Леонтьев связывает с формой переживания и субъективной репрезентации. Потребности непосредственно переживаются как связи с миром, какие-то зависимости или взаимозависимости, нужды или желания, требующие усилий, направленных в мир, чтобы адаптироваться к этим напряжениям или, напротив, приспособить мир к своим желаниям. Ценности переживаются как идеалы – конечные ориентиры желательного состояния дел.

Динамика ценностей как наиболее стабильных образований смысловой сферы рассматривается Д.А. Леонтьевым в двух формах. Во-первых, она проявляется в изменении иерархии ценностей как результат или проявление жизненного кризиса. Во-вторых, динамика ценностной регуляции присутствует в онтогенетической картине развития. Новорожденный младенец находится на полюсе, когда источники мотивации сводятся целиком к потребностям при полном отсутствии ценностей; по мере развития происходит постепенное усвоение ценностей, которые начинают конкурировать с потребностями как источниками мотивации. Поскольку новые ценности усваиваются более быстрыми темпами, чем возникают новые потребности, удельный вес потребностей в структуре мотивации снижается и происходит перераспределение функций в пользу ценностей. Иначе говоря, процесс социализации, по Д.А. Леонтьеву, представляет собой постепенное замещение потребностей как биологической составляющей мотивации личностными ценностями, имеющими социальную природу.

Диаметрально противоположной является точка зрения Р.Х. Шакурова, в соответствии с которой ценности подразумевают динамические стороны функционирования, причем динамика не только не является чем-то чрезвычайным, но имманентно присуща ценностям [4]. Динамические аспекты функционирования ценностей в его концепции не просто один из возможных ракурсов рассмотрения ценностей, но являются сущностными в определении самого понятия ценности. Такая трактовка вытекает из традиционного, разделяемого многими авторами [5–7 и др.] и наиболее распространенного расширительного толкования ценности как универсальной характеристики, связанной со всем контуром взаимодействий человека с миром. Согласно этой трактовке, ценности неразрывно связываются с потребностями – предметы обладают ценностью, если от них зависит удовлетворение потребностей человека. Соответственно, при удовлетворении потребности предмет, который способен ее удовлетворить, может терять ценность. В результате к ценности оказываются применимы все описанные в психологии закономерности, свойственные динамике актуализации и удовлетворения потребностей и ситуативному развитию мотивации.

Более того, смысл ценностей ставится Р.Х. Шакуровым в зависимость, во-первых, от того, в какой мере они выступают условиями жизни и эмоционального благополучия человека, а во-вторых, от степени их доступности. Если они недоступны, закрыты непреодолимыми барьерами, то они не имеют смысла. Если овладение предметами, имеющими ценность, доставляет удовлетворение и радость, они обретают смысл: «В смыслообразовании важна не просто доступность, а мера доступности желанных ценностей. Если они ... достаются беспрепятственно, их привлекательность резко падает. А если же барьеры вообще отсутствуют, и появляется неограниченный доступ к желанным благам, человек быстро насыщается ими и становится к ним равнодушен» [4, с. 128]. Здесь барьеры являются обязательным условием смыслообразования: важно наличие препятствия, затрудняющего доступ к ценности и превращающего ее в дефицит. При этом играют роль и количественные параметры барьера, которые располагаются в диапазоне между двумя крайними ситуациями: когда преграды слишком велики и когда они отсутствуют вообще. Так, «кризисные пережи-

вания, приводящие к депрессии и утрате смысла жизни, часто возникают под влиянием необратимого ценностного барьера – лишения человека очень важной ценности. Но аналогичный эффект – тоска, депрессия – наблюдается и при отсутствии барьеров, когда для человека открывается неограниченный доступ к желанным ценностям. Если нет никаких препятствий, ценности девальвируются» [4, с. 129].

Отражение динамических сторон функционирования ценностей нашло выражение и в предложенном Р.Х. Шакуровым делением ценностей на статичные и динамичные, отличающиеся по смыслообразующему потенциалу, который выше у дефицитных и динамичных ценностей, поскольку эмоциональная адаптация к ним затруднена, а чрезмерная статика убивает самое главное в ценности – ее эмоционально-притягательную силу. Более статичные ценности (материальные блага) обладают небольшими смыслообразующими возможностями, а динамичные ценности (творческая деятельность, эстетические, аффилиативные, духовные ценности) отличаются разнообразием, и поэтому они сохраняют свою привлекательность долгое время. Кроме того, привлекательность ценностей выше, если они отражают стремление человека удовлетворять свои потребности на все более высоком уровне. Также, более значимая роль в смыслообразовании придается ожидаемым, «завтрашним ценностям», а то, что достигнуто, «превращается в отработанный материал» и теряет свою привлекательность.

Итак, в концепции Р.Х. Шакурова происходит фактическое отождествление ценности с оценкой привлекательности предмета потребности, а динамическая составляющая ценностей рассматривается в плоскости реализуемости ценностей или наличия барьера на пути к ним. При этом абсолютизация динамических сторон функционирования ценности оттесняет то, что составляет ее специфическое содержание и всегда традиционно относилось к понятию ценности, – ее общественно-историческую природу, понимание ценности как формы существования общечеловеческого опыта, которая раскрывается и присваивается индивидом в процессе интериоризации, что собственно и составляет сущность ценности.

Однако, на наш взгляд, отрицание связи потребностей и ценностей также неправомерно, как и ее абсолютизация. В истории человечества ценности возникали в первую очередь в контексте тех или иных биологических потребностей [8–10 и др.], а затем и как обобщение специфически человеческих потребностей, которые порождались социумом через создание новых общественных предметов и способов деятельности. Развитие системы ценностей той или иной культуры в историческом ракурсе, несомненно, связано и с барьерами в удовлетворении потребностей, а также способами их преодоления. Однако в структуре индивидуальной психики и в процессе онтогенетического развития эта связь потребностей и ценностей более сложна и опосредованна. Систему ценностей индивид застает в обществе уже готовой, какую-то часть этой системы он интериоризирует на разных этапах своего развития и в разной степени. Эти процессы идут одновременно с развитием его потребностей. Поэтому теоретическое осмысление сложного и многослойного процесса появления ценностей как регуляторных структур и внутриличностных образований требует, с одной

стороны, учета природы ценностей как возникающих в ходе развития человечества форм кристаллизации его общественно-исторического опыта при их автономизации от потребностей, а с другой – истории встраивания ценностей в структуры индивидуальной личности в ходе ее онтогенетического развития при установлении их связей с потребностями.

В целом, не разделяя мнение о том, что динамические моменты определяют сущность ценности, мы считаем продуктивной мыслью об участии барьеров в процессах смыслообразования в плоскости соотношения ценности со степенью ее реализуемости в жизни. И в этом контексте позиция Р.Х. Шакурова точно схватывает некоторые моменты, важные для понимания характера регуляторных влияний личностных ценностей и их механизмов.

Роль преград, барьеров как в процессах смыслообразования, так и в других формах смысловой динамики фактически отмечают многие авторы, но часто об этом говорится не прямо, в первую очередь упоминается в примерах, иллюстрациях, демонстрирующих, например, специфику личностного смысла в отличие от значения или его изменение в зависимости от ситуации [11]. В качестве причин, изменяющих личностный смысл или запускающих работу по поиску смысла, его созданию или трансформации всей ценностно-смысловой сферы человека, часто описываются ситуации угрозы тому, что важно для человека, или потери этого. Эта плоскость отношений, отражаемая в примерах, отсутствует в большинстве теоретических моделей процессов смыслообразования, протекающих в контексте личностных ценностей. Смысловую функцию барьера раскрыл К. Левин [12], однако в его теории не затрагиваются устойчивые личностные источники смысла, к которым относятся личностные ценности. Некоторое теоретическое оформление эти факты получили в представлениях о стресс-индуцированном росте и исследованиях процессов совладания при утратах и невзгодах [13–15]. Несчастье, являясь «пробуждающим зовом», несет в себе потенциал реорганизации и рефокусировки целей, ценностей и приоритетов [13]. Р. Эммонс, сопоставляя такие стратегии совладания в ситуациях угрозы или утраты, как консервация и трансформация, пишет, что в случае консервации целей тем не менее происходят изменения в интенсивности устремлений – усиление включенности, сфокусированности и целенаправленности. Эти динамические аспекты изменения более типичны, чем изменения в содержании целей. Однако в данных исследованиях авторы все же больше пишут о целях и устремлениях, чем собственно о ценностях.

Неоднозначность и противоречивость взглядов на динамические стороны функционирования ценностей подчеркивается и подходом к этой проблеме, предложенным Е.Б. Фанталовой [16]. В созданном ею методическом подходе через оценку доступности ценности фактически введен новый параметр в исследовании ценностей, который соответствует теоретическому подходу Р.Х. Шакурова. Она также считает, что процессы смыслообразования в контексте ценностей различных жизненных сфер во многом зависят от характера соотношения меры важности ценности и меры ее реализуемости в жизни, но совершенно противоположным образом интерпретирует и осмысливает их соотношение. С ее точки зрения, наиболее оптимальным психологическим состоянием является совпадение, обозначаемое ею как состояние гармонии, или не-

большая степень расхождения между ценностью и доступностью по основным жизненно важным сферам, так как в этом случае не возникает ни «стойких внутренних конфликтов», ни «тормозящей общую мотивацию внутренней пустоты» [16, с. 108].

Рассмотрение вопроса о соотношении ценностей и потребностей в ракурсе различий механизмов и динамических сторон их функционирования еще более усложняется, если в контекст анализа ввести малоупоминаемое в современных работах, но имеющее давние корни в рамках культурно-исторической парадигмы отечественной психологии понятие органических потребностей. Представление о них как прижизненно формируемых и связанных с усвоением общественно-исторических форм удовлетворения природных потребностей организма посредством общественно же выработанных предметов и способов деятельности и поведения прямо вытекает из идеи А.Н. Леонтьева об опредмечивании потребностей в деятельности [17]. В результате даже те из них, которые прямо связаны с функционированием организма, значительно изменяются, преобразуются, становятся по сути социальными, что нашло свое воплощение во введении другого термина для обозначения фактически нового представления о биологических потребностях – «органические» потребности – термина, который использовался многими российскими психологами для обозначения потребностей человека, связанных с его телесными нуждами [17–19]. Такое преобразование, конечно, связано и с трансформацией механизмов и процессуальных сторон функционирования потребностей, для которых становятся возможны отвязанность от потребностных состояний, отсроченное удовлетворение витальных нужд организма, мотивирование идеаторными образами, а также появление устойчивой иерархизации побуждений по критериям, не связанным с насущным состоянием организма.

Это требует определения того, как соотносятся между собой личностные ценности и специфически человеческие потребности, и делает проблематичным проведение демаркационной линии по критерию биологического и социального между личностными ценностями и потребностями. На наш взгляд, существует много оснований для проведения границы социального и биологического не между личностными ценностями и потребностями, а внутри каждого из источников побуждений, мотивации человека. Как уже упоминалось выше, в истории развития человечества культура возникала в первую очередь в сфере регуляции основных базовых инстинктов. Именно к ним было максимально приковано внимание сообщества, они в первую очередь нормировались, окультуривались. В удовлетворение потребностей культура через предметы потребностей, способы их удовлетворения, в том числе сопровождающиеся и ритуалами, «вплавляла» моменты общечеловеческого, в том числе и ценностного. Это значит, что нормы и ценности включаются в саму потребность, которая в результате этого трансформируется и преобразуется. Кроме того, культура, создавая новые предметы, создает и новые потребности в определенных предметах или видах деятельности, что отражено в таких понятиях как высшие потребности [20, 21], социогенные потребности [22].

В представлениях о начальных ступенях онтогенеза также находит свое воплощение идея проникновения социального вглубь органического. Так, взгляд

на ребенка как изначально социальное существо Л.С. Выготским [23] обосновывается тем, что новорожденный ребенок сам, без взрослого, не может удовлетворить ни одну свою органическую потребность, и тогда каждая его органическая потребность становится потребностью в другом человеке. Подобная мысль прослеживается у А. Валлона [24] при описании первой стадии развития психики в рамках функционального ансамбля аффективности, когда происходит проникновение социального вглубь самых первых, базовых процессов жизни организма новорожденного.

В результате синтеза биологической потребности с социальными способами и средствами ее удовлетворения получается некоторое новое образование, или качество потребности: ее содержание включает в себя и социальное, и природное, и ценностное, и потребностное. Сплавленность социального и биологического вообще характерна для человеческой психики, где общественно выработанные формы создаются из материала и на почве природных. В качестве аналогии можно привести пример понимания Л.С. Выготским соотношения культурных и натуральных психических функций, а также открытый им закон развития высших психических функций [25]. В соответствии с этим законом, ребенок, наделенный от рождения натуральными психическими функциями, включаясь в социальное взаимодействие, овладевает своими натуральными функциями за счет их социального и знакового опосредования. В результате возникают высшие психические функции, которые включают их в качестве материала, при этом в них «снимаются» биологические свойства последних. Идея о возможности применения данного закона к пониманию процесса развития побудительных сил человеческого поведения в свое время высказывалась Л.И. Божович [20], о возможности ее распространения на процессы мотивационного опосредования писал также В.К. Вилюнас [21]. На наш взгляд, в отношении мотивов или намерений как конкретных и привязанных к определенной жизненной ситуации мотивационных образований прямой перенос данного закона действительно едва ли возможен, в чем мы согласны с мнением В.К. Вилюнаса. Но его распространение на обобщенные и устойчивые источники побуждений, к которым относятся личностные ценности, является более оправданным и продуктивным. Применяя данный закон к пониманию соотношения потребностей и ценностей, мы предлагаем понимать соотношение личностной ценности и потребности как отношение высшей психической функции и натуральной. Это означает, что *личностные ценности как высшие психические функции возникают при опосредовании натуральных функций, то есть потребностей, ценностями как общественными идеалами.*

В таком случае личностные ценности могут быть поняты как превращенные формы потребностей, которые прошли путь развития через опосредование натуральных потребностей общественно выработанными предметами и способами удовлетворения, в процессе чего произошло также порождение новых потребностей через произведенные обществом предметы. Означивание знаками-орудиями позволяет осознать потребности, которые приобретают идеаторные формы представленности и мотивирования, что позволяет регулировать собственные побуждения в процессах порождения активности в соответствии с иерархизированной системой личностных ценностей. Это не отменяет необхо-

димости в термине «потребность», так как содержание потребности в качестве материала встраивается в состав образования более высокого уровня. Мы предлагаем обозначать им своего рода «чувственную ткань» личностной ценности в противовес значению ценности как общественно выработанной идее. Личностная ценность интегрирует эти составляющие, являясь двухполюсным смысловым образованием, в содержании которого чувственная ткань и идея могут находиться в разных соотношениях. Потребности в качестве чувственного компонента укореняют личностную ценность в телесной организации человека, идеальное содержание объединяет индивида с обществом [26]. Каждое из них является источником «энергии» своего типа, побуждающей и поддерживающей активность.

Другой ракурс в понимании соотношения потребностей и личностных ценностей, а также в решении вопроса о сходстве и различии в механизмах их функционирования связан с такой особенностью личностной ценности, как *обобщенность*. Очень многое в функционировании личностных ценностей можно объяснить их обобщенностью, а также особыми свойствами этого обобщения, заданными тем материалом, на котором обобщение сформировано, а именно потребностями. Особая природа ценностей как обобщений отмечается многими авторами [1, 5, 6, 9 и др.]. Значимость представлений о континууме конкретности-обобщенности мотивационных образований для решения вопросов полимотивации поведения и деятельности отмечает В.К. Вилюнас [21], в связи с выявлением закономерностей когнитивной разработки потребностей этот вопрос исследовал Ж. Нюттен [27]. В применении к ценностям как общественным идеалам свойство обобщенности их содержания вытекает из определения. Но если речь идет о ценностях как внутриличностных образованиях, то есть личностных ценностях, то понимание ценностей как обобщенных содержаний требует прояснения того, как эти обобщенные содержания возникают, функционируют и что в механизмах функционирования меняется или зависит от этой их особенности.

В контексте обозначенной выше генетической связи потребностей и ценностей закономерно предположить, что ценности являются формой обобщения и вычленения из предметов собственно человеческих потребностей некоторой абстрагированной идеи, фиксирующей опыт взаимодействия с данным предметом и его функциональное значение [6]. Из этого следует, что ценности могут становиться важными регуляторами деятельности и поведения при довольно высоком уровне развития мышления и должны в своем функционировании зависеть от уровня его развития. Это подтверждается совпадением процесса активного усвоения ценностей и возможности регулировать ими свое поведение в подростковом возрасте и становлением в этот же период формально-логических структур интеллекта [28]. Тогда появляются основания взглянуть на соотношение ценностей и потребностей через призму другой идеи Л.С. Выготского, а именно представлений об уровнях развития понятий и о встречном движении друг к другу в процессе развития житейских и научных понятий [29]. В соответствии с этим в развитии личностных ценностей в онтогенезе, наверное, должны также существовать два встречных движения. Одно движение осуществляется от общественно заданных ценностей как интериоризируемых значе-

ний (пустых, не заполненных еще опытом собственной жизнедеятельности форм) к наполненным жизненным опытом и на вершине своего развития осознанным и сознательно принятым личностным ценностям. Другое движение осуществляется от конкретных чувственно переживаемых ситуаций, связанных с функционированием потребностей, к их социальному опосредованию, обобщению и осознанию через соединение с общественно выработанным значением.

Свойство обобщенности ценностей вовсе не означает, что они в сознании каждого человека обязательно является собственно понятийным обобщением, то есть истинным понятием. Личностные ценности могут находиться на разных уровнях их развития в качестве понятий. Наверное, какая-то их часть является наиболее осознанной и действительно может существовать в форме истинных понятий, тогда как другие могут находиться на разных других уровнях развития понятийных форм, в том числе и в синкретичной форме эмоциональных обобщений. Однако регуляторная роль ценностей не обязательно требует их выражения в слове и осознания, описаны и другие альтернативы существования понятий, например в форме образов, символов, схематизмов сознания или способов действия [30, 31].

Таким образом, потребности и ценности связаны между собой сложными, опосредованными, но, тем не менее, глубинными связями. Эта связь имеет не только генетический характер, она функционирует и проявляется и в зрелых формах такого явления, как личностная ценность. Исходя из вышесказанного, мы предлагаем следующую модель соотношения личностных ценностей и потребностей. Поскольку, как уже говорилось, ценностное включается в структуру конкретных потребностей через предметы и способы их удовлетворения, то каждой ценности соответствует целый класс разных потребностей, с которыми она связана. Любая ценность является вершиной в обобщении множества разных предметов потребностей и способов их удовлетворения, при этом данные классы не разделены между собой, они одновременно входят в зону действия самых разных ценностей (рис. 1). Именно поэтому конкретизация ценности может происходить в самых разных ее воплощениях, целом спектре реальных конкретных предметов, явлений, событий, собственных психических состояний и эмоций (об эмоции как ценности писал Б.И. Додонов [5]).

Понимание соотношения и взаимосвязи потребностей с другими источниками и формами побуждений, аналогичное предложенной нами модели, отмечается у ряда исследователей. Так, о полипотребностном происхождении намерения писали К. Левин [12] и Л.И. Божович [20], о детерминированности поведения несколькими или всеми базовыми потребностями одновременно говорил А. Маслоу [32]; Б.И. Додонов писал, что «каждая конкретная деятельность... мотивируется не одним запредельным мотивом, а... целой их связкой» [5, с. 127]. Обсуждение проблемы полимотивированности любой человеческой деятельности в 1980-е годы инициировала В.С. Имедадзе [33], а некоторые решения вопросов о формах, видах и механизмах взаимодействия побуждений в феноменах полимотивации наметил В.К. Вилюнас [21]. У всех названных выше авторов данный вопрос решался в плоскости анализа мотива отдельной деятельности или поведения, но не устойчивых и обобщенных источников мотиво- и смыслообразования, каковыми являются личностные ценности. Наиболее близким

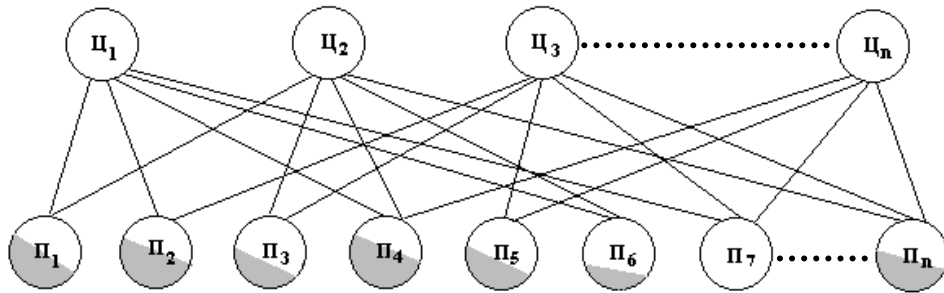

Рис. 1. Условные обозначения: Ц – личностная ценность; П – предмет потребности и способы ее удовлетворения; ● – биологическая составляющая потребности; ○ – социальная составляющая потребности

к нашей модели, пожалуй, является сформулированное В.С. Магуном представление о поливалентности большинства инструментальных ценностей [34], а также предложенное Б.И. Додоновым понятие о проникающих ценностных ориентациях, которые могут «выражать себя, проникая в очень разные сферы материальных и духовных объектов и деятельности» [5, с. 20]. Однако, в отличие от последнего, мы считаем, что проникающими являются любые личностные ценности, а не только их отдельный класс или тип.

Связка таких признаков ценности, как обобщенность (связь с сознанием) и включенность в потребности (связь с телом), и обеспечивает уникальные регулятивные свойства ценностей. Соответствие личностной ценности большому количеству разнообразных потребностей, связанность с ними, может быть одним (правда, не единственным) из объяснений того энергетического заряда, который многие из ценностей несут в себе. Ведь фактически каждая ценность «обобщает», впитывает и несет в себе энергетику огромного количества разных потребностных состояний и побуждающей силы очень разных предметов потребностей. Предлагаемая модель соотношения ценностей с потребностями может объяснить тот феномен, что ценность может «рекрутировать» энергетику очень разных потребностей. И степень фрустрации и сопротивления при противодействии ценностям, и мощь пиковых переживаний, с ними связанных, мы объясняем тем, что актуализация ценности одновременно задействует и интегрирует очень разные пласты и стороны личности. Этим же можно объяснить и высокую степень интегрируемости самих ценностей, которая отмечается в практике психотерапевтической работы с ценностями и схватывается в таких понятиях, как, например, сущностное состояние, путь к которому идет фактически через объединение разных ценностных переживаний [35].

Другое следствие данной модели заключается в том, что сами ценности могут замыкаться на конкретных предметах, соответствующих тем потребностям, которые в настоящий момент наиболее актуализированы, и тогда к переживанию по поводу удовлетворения или фрустрации конкретной потребности может подключиться энергетический потенциал очень большого спектра других потребностей. Этим можно объяснить и интенсивность переживания ценности, и скорость перехода от высот абстрактного обобщения, характерного

для ценности как идеи, к полноте ее чувственной представленности. Вследствие этого прием связывания ценностей с конкретными вещами, действиями, явлениями успешно используется и в рекламе (когда «продают», фактически, не конкретные предметы, а здоровье, красоту, комфорт и пр., «покупать» которые можно бесконечно), и в техниках убеждения, и в идеологической пропаганде, и в проповеди. Поэтому идеями можно «зажигать» массы, примеров чему немало знает история человечества. Связано это с тем, что каждая ценность, являясь гиперобобщением, может быть «обнаружена» практически в чем угодно. Все зависит от способа ее конкретизации и связывания с конкретными объектами. Поэтому ценности могут при их конкретизации оказаться присутствующими в очень разнообразных, иногда даже противоположных явлениях. С этой их особенностью, наверное, можно связать и пути экспериментирования в современном искусстве, например, с эстетикой уродливого, грязного или очень бытового и житейского. Для того чтобы отделить зерна от плевел и проследить путь соединения идеи с навязываемым (в случае рекламы или пропаганды) ее конкретным воплощением, понять, что данное воплощение ценности может противоречить ее сущности, и иметь возможность противостоять этому, человеку необходимы высокий уровень развития мышления и рефлексии.

Обобщенность ведет к тому, что регулирующая роль ценностей пронизывает всю вертикаль как отдельной деятельности, так и всей жизнедеятельности в целом. Конечно, ценности релевантны в первую очередь крупным планам анализа жизнедеятельности, ее масштабным срезам и свое наибольшее выражение находят в функции основных источников смыслов и жизненных целей. Тем не менее, регулирующая роль ценностей может проявляться на разных иерархических уровнях деятельности, в том числе и на самых нижележащих, исполнительских. Например, на уровне операций, способов осуществления действий ценностная регуляция может выступать в виде некоторых индивидуальных требований к стилю и технике выполнения и тех критериев, которые применяются к оценке их результатов.

Предлагаемый взгляд на соотношение личностных ценностей и потребностей, связанный с анализом их генетической и функциональной взаимосвязанности, ставит в новом ракурсе проблему специфики динамических сторон функционирования личностных ценностей, которая может быть конкретизирована в ряде более частных вопросов. Достижимы ли, реализуемы ли ценности в жизни и каковы формы или способы их достижения или реализации? Насколько правомерно говорить о возможности «насыщения» ценностей и, соответственно, об их актуализации и дезактуализации? Обсудим эти вопросы поочередно.

Ответ на вопрос о достижимости ценности напрямую зависит от того, что считать критерием ее реализации в жизни. Здесь центральным моментом для нас является феномен *ценностного переживания*. Связь ценности и переживания является внутренней, сущностной, для переживания как феномена в целом характерна тесная связь с ценностями или «значимостями», о чем пишут многие авторы. Ф. Крюгер [36], анализируя эмоциональные переживания, пришел к выводу, что за ними лежат длительно существующие ценностные образования и степень связи с ними задает глубину переживания. Именно через переживания заявляют о себе человеку структуры ценностной направленности,

занимающие центральное место в душевной жизни человека. Н.О. Лосский пишет о переживании как входящем в состав ценности, при этом ценность является условием определенных чувств и желаний, а не их следствием [37]. К. Роджерс [38], напротив, утверждает, что для каждого индивида и человечества в целом ценности возникают в процессе переживания. А.С. Шаров [39] считает, что любое переживание возвращает нас к тому, что ценно и важно для нас, и ценностное присутствует в любом переживании. О необходимости соединения ценности с переживанием, которое, собственно, и создает ценность как личностную, говорит Б.С. Братусь. Он отличает личностные ценности от декларируемых, назывных ценностей, которые не обеспечены «золотым запасом соответствующего смыслового, эмоционально-переживаемого, задевающего личность отношения к жизни» [1, с. 89].

Говоря о ценностных переживаниях, мы имеем в виду только те переживания, предметом которых является именно ценность и в которых человек переживает соединение с тем содержанием, что зафиксировано в идее ценности. В них возникает ощущение реального присутствия ценности в жизни, наполненности жизненного мира ее содержанием. Осуществляется это за счет того, что в процессе переживания, как это описывает А.С. Шаров, изменяются горизонты сознания и психики, «происходит или сужение сознания, или его предельное, но только в одном аспекте расширение» и в итоге «преувеличение одних ценностей за счет других». Это возможно за счет того, что «переживание выступает системообразующим психологическим механизмом, который центрирует в себе другие психические процессы» [39, с. 220–221].

Субъективное переживание соединения с ценностным содержанием, на наш взгляд, и дает ощущение того, что ценность – это не что-то весьма далекое и недостижимое, а то, что реально присутствует в жизни, то, к чему можно, говоря словами Л. Лэнгле, «прикоснуться» [40]. Через такое переживание идея ценности оказывается укорененной не только в ментальном мире человека, но и в его телесности, витальности. Ценностные переживания, порождающие ощущение присутствия ценности в жизни, можно рассматривать в качестве одного из частных случаев пиковых переживаний, о которых писал А. Маслоу [32] и которые по интенсивности могут быть гораздо более мощными, чем получаемые при удовлетворении частных потребностей, что также усиливает энергетический потенциал ценностей.

Поскольку само ценностное переживание вполне достижимо и именно оно создает ощущение присутствия ценности в мире, в собственной жизни человека, то личностные ценности и как «модели должного», и как «идеалы» субъективно могут восприниматься как достижимые. Переживания и сообщают человеку о присутствии или отсутствии ценности в жизни. Как пишет О.Е. Хухлаев, целью переживания является установление взаимосоответствия в следующей круговой структуре: конкретный момент бытия – личностный смысл – смысловые образования личности – бытие в целом – конкретный момент бытия [41]. По аналогии с этим можно сказать, что результатом ценностных переживаний является установление подобного соответствия в отношении такого смыслового образования, как личностная ценность.

Таким образом, ответ на вопрос о достижимости ценностей является двойственным: ценности одновременно могут быть достижимы и оставаться недостижимыми идеалами. Они и вершины неприступных гор, на которые невозможно взойти, и те пики, на которые человек «воспаряет» в моменты ценностных переживаний. Это двойственность определяется особой природой ценностей как психической структуры, интегрирующей в себе надличное, общечеловеческое содержание и полноту соединенных между собой в чувственно-аффективно-витальный комплекс внутренних, индивидуальных переживаний.

Второй аспект анализа динамических сторон функционирования ценностей и вопроса их достижимости связан с еще одним, не вошедшим в теоретические модели его аспектом, – вопросом о способах реализации ценностей. Д.А. Леонтьев в предложенной им модели смысловых структур показал, посредством каких превращенных форм личностные ценности действуют, через какие другие смысловые структуры проявляются [3]. Но до сих пор остается открытым вопрос о том, каким образом реализация ценностей, их воплощение, присутствие в жизни фиксируется самим человеком, репрезентируется ему самому. Так как в содержательном плане поле ценностей очень разнообразно, в различных классификациях ценностей имеется много содержательных критериев их выделения, мы предполагаем, что можно говорить о разных формах или способах такой реализации, которые могут зависеть, в том числе, и от содержания ценности. И здесь, на самый первый взгляд, можно выделить следующие разные возможности.

Во-первых, если ценности понимать как наиболее глубинные пласты личности, составляющие ее ядро, центр, то в этом случае ценности – это то, чем личность и является. Такое понимание ценностей созвучно позиции Б.С. Братуся, определяющего личностные ценности как осознанные принципы жизни, которые человек сам воплощает в своих реальных деяниях и поступках [1]. Они являются важной составляющей Эго-идентичности в ее понимании Э. Эриксоном [42], аналогичные мысли высказывает и Б.С. Алишев [6]. В этом случае ценности субъективно могут отражаться как свое собственное основание («На том стою и не могу иначе!»), как часть себя («Это мое!»), как ощущение принадлежности себя «родовой человеческой сущности», а ценностное переживание является соприкосновением с самим собой, своей внутренней сущностью. Но тогда вопрос о достижимости ценности существенно трансформируется – нельзя ставить задачу прийти в то место, в котором уже находишься. Ценности являются постоянным критерием и мерилем всех действий, поступков, событий, частью самого человека и потому всегда присутствуют в его жизни, имманентно присущи ей. С другой стороны, в данном контексте в психологии и особенно в психотерапевтической и консультационной практике обсуждается проблема соответствия конкретных действий, поступков и даже чувств человека его самости, сущности, собственным глубинным смысловым структурам, в том числе и собственным личностным ценностям. Для обозначения такого соответствия личности самой себе возник особый термин – конгруэнтность. А это означает, что возможны случаи их несоответствия, расхождения, неконгруэнтности. Это переводит проблему достижимости личностных ценностей в плоскость обсуждения вопроса о решении человеком задачи нахождения пути к са-

тому себе в каждой конкретной жизненной ситуации, частном действии и поступке.

Во-вторых, ценности в их отражении человеком можно представить и как проецируемое им вовне внутреннее содержание, выступающее для него в форме целей, к которым он стремится, в виде направления, в соответствии с которым движется. В данном понимании ценности можно рассматривать, скорее, как идеальные цели, которые по определению всегда недостижимы: они определяют направление движения и не содержат достижимого конечного пункта этого движения, как это описано у Д.А. Леонтьева [3]. И то, в какой мере человек воспринимает свое движение как соответствующее выбранному направлению или приближающее к представленному в сознании идеальному образу, и станет для него мерилем реализации ценности.

В-третьих, ценность может, не отражаясь в сознании, выступать как некоторая модель «правильного» устройства мира и жизни, в форме неосознаваемого фонового ожидания того, что должно присутствовать в мире и жизни в качестве обязательных или естественных ее компонент. Это, например, земное притяжение или здоровье, которые не замечаются при обычном ходе жизни, составляя часть нормы жизни, но при исчезновении которых возникает ощущение дискомфорта или даже страдание.

В-четвертых, ценности можно представлять и как нечто такое, что человек сам привносит в мир, не прикладывая специальных усилий. Ведь присутствие каких-то ценностей в жизни задается иногда просто направленностью внимания на них: их можно просто замечать, выделять в мире. Тогда ценности – это линзы, через которые человек смотрит на мир и которые что-то не пропускают вовсе, а что-то усиливают или даже создают. Так, очень высокая степень развития эстетической ценности приведет к тому, что в самой убогой обстановке человек заметит прекрасное: былинку в укатанном асфальтом городе, необычную окраску неба на закате. Д.А. Леонтьевым [3] это отражено в понятии смыслового конструкта, являющегося одной из смысловых структур, интроспективно не представленных в сознании, но задающих способ видения мира. Л. Лэнгле пишет о том, что трудности, связанные с восприятием ценностей, часто становятся причиной душевных страданий, поэтому задачей психотерапии, в частности, является необходимость пробудить и развить способность человека «к распознаванию и переживанию ценностей... научить его открываться новым ценностям, расширять свои ценностные горизонты и, благодаря этому, свое жизненное пространство» [40, с. 4].

Регулятивная роль ценностей в жизнедеятельности сопряжена с необходимостью обнаружения и опознания содержания ценности в реальной действительности при соотношении идеи с чувственно-конкретными характеристиками реальных ситуаций и объектов. В силу высокого уровня обобщенности ценностей дать объективную оценку их доступности или реализованности в жизни, пожалуй, принципиально невозможно. Соответственно, ценности не всегда однозначно и прямо могут быть соотношены с конкретной жизненной ситуацией и «обнаружены» в ней, что обуславливает неопределенность при оценке их присутствия в жизни. Поэтому субъективная репрезентация результата каждой из вышеописанных форм реализации ценностей будет существенно трансформи-

роваться в зависимости от способов оценивания присутствия ценности в жизни, ее воплощенности в окружающих объектах и явлениях, собственных действиях и поступках, в частности, определяться тем способом, которым человек, структурируя восприятие собственной жизненной ситуации, находит в ней признаки соответствия идее, содержащейся в ценности, а значит, будет зависеть от специфики мыслительных способов отражения реальности. Один из возможных источников такой специфики может заключаться в следующем. В соответствии с выдвинутой Ю.В. Громыко [43] идеей понятийно-категориальных различий, содержание понятия, позволяющее действовать в реальности и преобразовывать ее, задается, кроме обобщения, как выделением общего и сходного, так и полюсом несходного, с которым и различают содержание, включенное в понятие. Если применить это к анализу личностной ценности как понятия, то полная реконструкция содержания ценности возможна только в соотношении двух полюсов. Это значит, что кроме «модели должного» каждая ценность обязательно включает в себя и «модель недолжного». Соответственно, при отражении присутствия тех или иных ценностей в реальности возможны два разных способа: замечать то, что присутствует в мире (что стакан наполовину полон), или то, что отсутствует (что стакан наполовину пуст). Так, для целого ряда ценностей полюс «недолжного» выражен даже в большей степени, чем полюс «должного», как, например, у уже упоминавшейся ценности здоровья. Аналогичную закономерность в понятиях мотивационных векторов избегания и сохранения выразил Г.А. Мюррей, выделив ряд потребностей, актуализация которых связана с изменениями и отклонениями от сохраняемого состояния (см. [21]). Отдельные ценности могут сохранять на себе печать механизмов действия данных векторов, так что их опознание осуществляется только при отклонении от некоторой имплицитной модели нормативного состояния. В предпочтении того или иного полюса могут проявляться личностные способы и стратегии оценки присутствия ценностей в жизни, связанные со способом восприятия соотношения должного и возможного, что также определяет индивидуальные вариации динамических аспектов их функционирования. На этой особенности ценностей, связанной с неопределенностью при оценке их присутствия в жизни, основывается возможность психотерапевтического воздействия на человека, расширяющего его опыт «прикосновения к ценности» [40].

И последний ракурс рассмотрения процессуально-динамических аспектов функционирования ценностей касается соображений о возможности насыщения ценности. В широко известных экспериментах школы К. Левина были показаны динамические закономерности функционирования квазипотребностей – психических образований, которые в строгом смысле не являются потребностями, понимаемыми как внеситуативные источники мотивации, обеспечивающие решение жизненных задач, но, тем не менее, способны зарядить систему высокого напряжения, которая «требует» своего выполнения [12]. Выявленные в этой школе факты убедительно показывают универсальность динамических закономерностей и механизмов мотивации, их включенность в очень разные пласты психического. Однако мы не знаем аналогичных исследований, которые касались бы уровня ценностных структур личности, за исключением описанных Р.Х. Шакуровым [4] в отношении ценностей динамических тенден-

ций (тенденции к экономии ресурсов, к динамизации, к ценностному восхождению и закреплению, стабилизации), которые близки по сути описанным К. Левиным динамическим закономерностям, раскрывающим функционирование квазипотребностей.

Решение вопроса о возможности «насыщения» ценности, с одной стороны, зависит от того, как представлять способы ее реализации и воплощения, а с другой стороны, должно учитывать пространственно-временные характеристики человеческого бытия. Так, осуществляемая в форме ценностного переживания реализация ценности имеет временные ограничения, которые связаны с временными границами самого переживания и сохранения памяти о нем как актуальном, пока оно не переходит в субъективное прошлое. Но даже если определить ценность в ее самой несовместимой с возможностью «насыщения» форме как идеал или идеальную цель, то и это, на наш взгляд, не отменяет возможности ситуативной динамики насыщения ценностей. Например, ценность дружбы как идеала ненасыщаема по определению идеала, но можно устать от общения с друзьями и переключиться на другие виды активности. Это не дезактуализирует ценность как таковую и не изменит ее место в иерархии, но на какое-то время данная ценность может перестать быть активным источником мотивообразования. Нельзя достичь или насытить ценность красоты, но можно перестать ее замечать. Нельзя насытить ценность творчества, но можно истощиться творчески. Можно ценить покой, но в результате длительного покоя можно и заскучать. Причиной временной дезактуализации ценности может быть многогранность и многоплановость процессов жизни, наличие в ней разных линий жизнедеятельности, разных сфер. Поэтому неизбежны и некоторые закономерности их динамики, допускающие возможность временной дезактуализации ценностей в актуальном психическом пространстве личности.

Эти проявления динамики не отличают ценности от потребностей, а наоборот, являются моментом их сходства. Так, Д.А. Леонтьев [3], обсуждая вопрос о дезактуализации потребности, говорит о возможности временного насыщения и, как следствие этого, дезактуализации потребности. Но это вовсе не означает, что сама потребность исчезает при этом как устойчивый и внеситуативный источник мотивации. Место удовлетворенной потребности в динамической иерархии на данный момент времени изменится, но сама потребность останется в своей функции потенциального побудителя активности. Невозможно удовлетворить ни одну потребность на всю жизнь вперед. К ценностям также можно приложить это рассуждение: сама ценность может продолжать оставаться на своем месте в иерархии, но в определенный момент времени в динамике жизни вполне может быть дезактуализирована, что проявится в ее меньшей смыслообразующей и мотивообразующей активности. Поэтому в функционировании личностных ценностей могут проявляться динамические закономерности, которые вполне сопоставимы с аналогичными закономерностями функционирования потребностей. Сходство механизмов действия потребностей и личностных ценностей отмечено и Г.А. Баллом [7].

По всей видимости, те динамические стороны функционирования потребностей, которые связаны с особенностями материального носителя, являющегося реализатором любой человеческой активности, – организма, также могут

остаться и в механизмах функционирования ценностей, несмотря на преобразованное содержание. Оно связано с общими базовыми пространственно-временными характеристиками существования человека. Поэтому в отношении ценности, как и в отношении потребности, вероятно, могут проявляться эффекты актуализации и дезактуализации, насыщения и пресыщения, имея свою, характерную только для ценностей специфику, выявление которой является нерешенной пока исследовательской задачей.

Таким образом, в результате анализа основных теоретических позиций по проблеме динамических механизмов и закономерностей функционирования личностных ценностей показано, что существующие в науке противоречия являются следствием полярного решения разными авторами вопроса о соотношении понятий личностной ценности и потребности. Исходя из культурно-исторической парадигмы отечественной психологии, предложена модель их соотношения как высшей психической функции и натуральной. Личностная ценность рассматривается как двухполюсное смысловое образование, обобщающее целый ряд различных по содержанию потребностей и интегрирующее в себе содержание потребности в функции «чувственной ткани» и содержание ценности как общественного идеала в функции значения. Выделены качественно разные, связанные с феноменом ценностного переживания способы реализации личностных ценностей в жизни, задающие характеристики динамических аспектов в их функционировании. Наличие динамических сторон функционирования ценностей, которые могут проявляться в их временной дезактуализации, можно связать, во-первых, с многомерностью процессов жизни, наличием в ней разных линий жизнедеятельности и разных ее сфер, а во-вторых, с природой существования человека и всех психических процессов во времени и в пространстве.

Summary

N.R. Salichova. On the Problem of Dynamic Aspects of Personal Values Functioning.

Basic theoretical approaches to the problem of dynamic mechanisms in personal values functioning are analyzed. It was indicated that scientific contradictions were a result of polar understanding of alignment of “personal value” and “need” terms. The model of their interaction as an interaction between highest and natural functions of psyche, based on cultural and historical paradigm of Russian psychology, was proposed. Personal value is considered as a bipolar meaning formation that sums different needs and integrates their content as a sensual aspect with a content of a value as a social ideal in a form of meaning. Qualitatively different ways of values realization were specified, that were connected with a value experience and gave characteristics of dynamic aspects in personal values functioning.

Литература

1. *Братусь Б.С.* Аномалии личности. – М.: Мысль, 1988. – 301 с.
2. *Асеев В.Г.* Личность и значимость побуждений. – Минск: Беспринт, 2005. – 197 с.
3. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, структура и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 1999. – 486 с.
4. *Шакуров Р.Х.* Личность: психогенез и воспитание. – Казань: Центр инновационных технологий, 2003. – 305 с.

5. *Додонов Б.И.* Эмоция как ценность. – М.: Политиздат, 1978. – 272 с.
6. *Алишев Б.С.* Психологическая теория ценности (системно-функциональный подход): Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – Казань, 2002. – 33 с.
7. *Балл Г.А.* «Мотив»: Уточнение понятия // Психол. журн. – 2004. – Т. 25, № 4. – С. 56–65.
8. *Лобок А.М.* Антропология мифа. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. – 688 с.
9. *Здравомыслов А.Г.* Потребности. Интересы. Ценности. – М.: Политиздат, 1986. – 223 с.
10. *Чавчавадзе Н.З.* Культура и ценности. – Тбилиси: Мецниереба, 1984. – 171 с.
11. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1977. – 304 с.
12. *Левин К.* Динамическая психология: Избранные труды. – М.: Смысл, 2001. – 572 с.
13. *Эммонс Р.* Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности / Пер. с англ.; под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2004. – 416 с.
14. *Schaefer J.A., Moos R.H.* Life crises and personal growth // Personal coping: Theory, research, and application / Ed. by B.N. Carpenter. – Westport, CT: Praeger, 1992. – P. 149–170.
15. *Tedeschi R.G., Park C.L., Calhoun L.G. (Eds).* Posttraumatic growth: Positive changes in the aftermath of crisis. – Mahwah, N. J.: Erlbaum, 1998. – 273 p.
16. *Фанталова Е.Б.* Об одном методическом подходе к исследованию мотивации и внутренних конфликтов // Психол. журн. – 1992. – Т. 13, № 1. – С. 107–117.
17. *Леонтьев А.Н.* Потребности, мотивы, эмоции. Конспект лекций. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 40 с.
18. *Гальперин П.Я.* К вопросу об инстинктах у человека // Вопр. психол. – 1976. – № 1. – С. 34–41.
19. *Асмолов А.Г.* Психология личности: Принципы общепсихологического анализа. – М.: «Смысл», ИЦ «Академия», 2002. – 416 с.
20. *Божович Л.И.* Проблема развития мотивационной сферы ребенка // Изучение мотивации поведения детей и подростков / Под ред. Л.И. Божович. – М.: Педагогика, 1972. – С. 7–44.
21. *Виллюнас В.К.* Психологические механизмы мотивации человека. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 288 с.
22. *Сарджвеладзе Н.И.* Динамическая структура личности и социогенные потребности // Проблемы формирования социогенных потребностей / Под ред. Ш.Н. Чхартишвили, В.Л. Какабадзе, Н.И. Сарджвеладзе. – Тбилиси, 1981. – С. 191–201.
23. *Выготский Л.С.* Вопросы детской (возрастной) психологии // Собр. соч.: в 6 т. – М.: Педагогика, 1984. – Т. 4. – С. 243–385.
24. *Валлон А.* Психическое развитие ребенка. – М.: Просвещение, 1968. – 286 с.
25. *Выготский Л.С.* История развития высших психических функций // Собр. соч.: в 6 т. – М.: Педагогика, 1983. – Т. 3. – С. 5–328.
26. *Василюк Ф.Е.* Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 200 с.
27. *Нюттен Ж.* Мотивация, действие и перспектива будущего / Под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2004. – 608 с.
28. *Пиаже Ж.* Избранные психологические труды. – М.: Прогресс, 1969. – 456 с.
29. *Выготский Л.С.* Мышление и речь // Собр. соч.: в 6 т. – М.: Педагогика, 1983. – Т. 2. – С. 5–361.

30. *Давыдов В.В.* Проблемы развивающего обучения: Опыт теоретического и экспериментального исследования. – М.: Педагогика, 1986. – 387 с.
31. *Стеценко А.П.* К вопросу о психологической классификации значений // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. – 1983. – № 1. – С. 22–30.
32. *Маслоу А.* Новые рубежи человеческой природы. – М.: Смысл, 1999. – 424 с.
33. *Имедадзе В.С.* Проблема полимотивации поведения // Вопр. психол. – 1984. – № 6. – С. 87–94.
34. *Магун В.С.* Потребности и психология социальной деятельности. – Л.: Наука, 1983. – 176 с.
35. *Андреас К., Андреас Т.* Сущностная трансформация. – Воронеж: НПО «Модек», 1999. – 243 с.
36. *Крюгер Ф.* Сущность эмоционального переживания // Психология эмоций. Тексты / Под ред. В.К. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – С. 108–119.
37. *Лосский О.Н.* Ценность и бытие: Бог и Царство Божие как основа ценностей. – Харьков: Фолио; Москва: АСТ, 2000. – 864 с.
38. *Rogers C.R.* Toward a Modern approach to Values: The valuing process in the mature person // Journal of Abnormal and Social Psychology. – 1964. – V. 68. – P. 197–205.
39. *Шаров А.С.* К познанию эмоциональной сферы человека // Мир психол. – 2004. – № 1. – С. 214–226.
40. *Лэнгле Л.* Введение в экзистенциально-аналитическую теорию эмоций: прикосновение к ценности // Вопр. психол. – 2004. – № 4. – С. 3–21.
41. *Хухлаев О.Е.* Психология переживания в контексте культурно-исторической типологии // Вопр. психол. – 2005. – № 5. – С. 19–27.
42. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ.; общ. ред. А.В. Толстых. – М.: Изд. группа «Прогресс», 1996. – 344 с.
43. *Громыко Ю.В.* Выготскианство за рамками концепции Л.С. Выготского: К идее мыследеятельностной антропологии. – М.: Пайдея, 1996. – 284 с.

Поступила в редакцию
19.10.07

Салихова Наиля Рустамовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии Казанского государственного университета.
E-mail: Nailya.Salihova@ksu.ru